

**Н.И. ВАВИЛОВА РАСПИНАЮТ ВНОВЬ.
Некоторые соображения о книге П.Ф. Кононкова
«Два мира — две идеологии:
О положении в биологических и сельскохозяйственных науках
в России в советский и постсоветский период»**

*Э.И. Колчинский
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники РАН*

Аннотация: Рецензируемая книга является итогом коллективного творчества, причём П.Ф. Кононкову явно принадлежит меньшая часть текста. Она написана в модном жанре «разоблачений» и «переписывания истории» путём свободного обращения с фактами, жонглирования вырванными из контекста цитатами и голословными идеолого-политическими обвинениями в адрес всей отечественной науки.

Ключевые слова: Н.И. Вавилов, Т.Д. Лысенко, И.В. Сталин, Дж. Маккарти, троцкисты.

Книга Заслуженного деятеля науки, Лауреата Государственной премии (2003) и премии Совета Министров (2013) П.Ф. Кононкова принадлежит к модному ныне жанру «разоблачений» и «переписывания истории». Автор пытается разоблачить незаслуженно воспетых, как он считает, представителей «классической генетики» — Н.И. Вавилова, Н.К. Кольцова, их соратников и учеников, — и вновь возвести на пьедестал гонителя отечественной биологии Трофима Денисовича Лысенко [Кононков 2014]. Стилистические средства и обороты речи, используемые в книге, заставляют вспомнить годы сталинских репрессий, расцвета борьбы с «продажной девкой империализма буржуазной наукой генетикой», гонений «зарубежной науки» просто за то, что она «зарубежная» и т. д.

Это не удивительно. Ведь книга посвящена не столько биологии, сколько политике. Её с удовольствием прочтут и поднимут на щит все те, кто боготворит сталинские времена и восхищается его методами борьбы с идеологическими противниками. Не беда, что в книге много прямых подтасовок и искажения фактов — для тех людей, на которых рассчитана книга, это не главное. Не важно это и для идеологически ангажированных создателей книги, ибо её автор — лицо коллективное. На обороте титульного листа указано: «Составитель В.Г. Смирнов», но ведь у авторской книги составителей не бывает. В.Г. Смирновым написано введение

[там же: 4–5], далее идёт «Предисловие редакции» [там же: 6–43], а завершает книгу объёмистое «Редакционное дополнение» [там же: 143–287]. Да и разделы «Продовольственная безопасность» [там же: 44–63], «Гражданин мира» [там же: 94–105], «Советский генетик на службе Третьего рейха» [там же: 114–119], «Аграрные авантюры Хрущева» [там же: 133–142] написаны, как указано в подстрочнике, «совместно с Н.В. Овчинниковым». Так что перед нами коллективный труд.

И этот труд посвящён тому, чтобы ещё раз провозгласить, что классические генетики все как один были ренегатами, неучами, очковтирателями, а самое страшное — демократами и атеистами! В своём запале авторы доходят даже до утверждения, поражающего своей абсурдностью: «Если многие видные вейсманисты были последовательными атеистами, то во взглядах Т.Д. Лысенко, несмотря на материалистическую форму их изложения, обнаруживалось влияние православного богословия» [там же: 14]. От этих слов наверняка переворачиваются в гробу и Лысенко, и Сталин. И как это взрывавший церкви и расстреливавший тысячами попов «мудрый отец народов» не разглядел в своем любимце религиозного стержня?! Сам же народный академик о христианстве не заботился ни по жизни, ни в научных трудах, а постоянно подчёркивал, что его учение является подлинно диалектико-материалистическим и потому верным. Все его речи, доклады и статьи базировались на тезисе, понятном руководителям СССР в те годы: «Теоретической основой мичуринского учения является развитие трудами величайших корифеев науки Ленина и Сталина материалистическое учение» [Лысенко 1952: 4–5]. Так он говорил 19 апреля 1952 г. на заседании Отделения биологических наук, посвящённом 70-летию со дня смерти Ч. Дарвина, однако превращённом его подобострастными клеветами В.С. Дмитриевым и Н.И. Нуждиным в чествование самого Лысенко. Конечно, виталистическая составляющая в учении «народного академика», бесспорно, присутствовала, но её основой было явно не христианство, а анимизм и пантеизм, характерные для первобытного сознания.

Финансирование подобной книги Федеральным агентством печати и массовых организаций в рамках Федеральной целевой программы «Культура России 2012–2018», т. е. на средства налогоплательщиков, по меньшей мере, вызывает недоумение. К тому же нанесён ущерб имиджу самой России как культурного и современного государства. Можно предположить, что это лишь одно из звеньев кампании по обелению Лысенко и разного рода инсинуаций в адрес Вавилова и остальных генетиков, которая ведётся в нашей стране последние 15 лет. О её опасности предупреждал член-корреспондент РАН и крупнейший эмбриолог Л.И. Корочкин (кстати, глубоко верующий христианин, не скрывавший своих убеждений в годы доминирования атеизма в СССР) в 2002 г. в «Литературной газете» и в статье «Неолысенковщина в российской биологии», вышедшей посмертно [Корочкин 2008: 62–66]. Причина не только в жажде реванша со стороны прежних сторонников Т.Д. Лысенко или в чьём-то стремлении умалить «грешки молодости» некоторых ныне маститых селекционеров, овощеводов, агрономов и т. д., их отцов и учителей. Даже не тоска по сталинизму движет неолысенкоистами. Воинствующее невежество, ненависть к экспериментальной науке, псевдонаука, ультрапатриотизм, враждебность ко всему западному, захлестнувшие значительную часть нашего общества, лежат в основе попыток реабилитации лысенкоизма и обвинений генетики теперь уже как «орудия биотерроризма», направленного против русского народа [Бобылев 2006], или лженауки и шарлатанства, культивируемых «национал-предателями» и «агентами» «враждебных России глобалистских структур» [Кононков 2014: 2]. Нередко она — результат неудовлетворённого самолюбия и банальная попытка заручиться поддержкой своих проектов со стороны властей. Но за их стеной просматриваются циничные недоброжелатели российской науки, готовые из личных меркантильных соображений свести на нет даже память о её блестящих прошлых достижениях ради приватизации бывшей собственности РАН, РАСХН и РАМН.

В свое время Н.К. Янковский и И.А. Захаров-Гезехус удачно прокомментировали статью М.И. Анохина в «Литературной газете» [Два отклика... 2009]. Тогда же с резкой критикой попыток реабилитировать Лысенко и представить его абсурдные идеи как предвосхищение некоторых открытий молекулярной биологии выступила группа ведущих генетиков и биохимиков (В.А. Гвоздев, Е.Д. Свердлов, Г.И. Абелев) и авторитетных журналистов (Владимир Губарев и Ким Смирнов [Губарев 2009: 1; Смирнов 2009: 22]). Они ещё помнили, что такое лысенковщина и что нельзя просто так игнорировать её рецидивы. С критикой ряда книг журналистов-неосталинистов, прославляющих Лысенко, несколько раз выступил И.А. Захаров-Гезехус [2011: 124–129].

С тех пор, насколько мне известно, генетики не реагировали на всё увеличивающийся поток книг, содержащих инсинуации в адрес их науки, прежде всего Николая Ивановича Вавилова, Николая Константиновича Кольцова, Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Более того, среди сочинителей подобных книг и статей стали появляться профессиональные генетики, которые, не обладая элементарными навыками историко-научного исследования и базируясь лишь на пропагандистских книгах адептов неолысенкоизма, пытаются пересмотреть причины и результаты трагедии генетики в нашей стране, восстановить «истину» о великом отечественном учёном Т.Д. Лысенко, «предтече биологии развития растений», уравняв, по меньшей мере, его заслуги с заслугами генетиков [Животовский 2014]. Подобная ситуация мне представляется ненормальной [Колчинский 2014], и я рад, что такая оценка в целом совпадает с содержанием статьи известного специалиста в области энзимологии В. Муромца [2014: 12–13] и письма в редакцию почётного профессора ряда отечественных и зарубежных университетов, молекулярного генетика и историка науки В.Н. Сойфера [Сойфер 2014: 5]. Как и они, я считаю, что никаких историко-научных оснований для пересмотра деятельности Лысенко как учёного и организатора науки на сегодня нет, и публикация огромного количества книг с одними и теми же выводами, цитатами, заголовками и т. д. продиктована исключительно конъюнктурными соображениями.

Это, конечно, не означает, что к вопросу о Лысенко нельзя возвращаться. В науке, в том числе и в её истории, нет и никогда не будет окончательно решённых вопросов. Многие из них неизбежно всплывают вновь и вновь в свете новых открытий, а также забытых, но воскрешённых ныне фактов из истории биологии. Но решать их каждый раз надо, опираясь на ресурсы современной науки, в научных изданиях, на форумах, а не апеллируя к властям. Обсуждение различных аспектов деятельности Лысенко требует профессиональной подготовки, использования всего корпуса архивных и литературных, в том числе и зарубежных, источников, объективного учёта аргументов всех участников прошлых и нынешних дискуссий, непредвзятого анализа всех современных точек зрения, обзора имеющейся литературы. Тем более что эта работа идёт интенсивно, в основном, у наших зарубежных коллег из США, Японии, Германии, Франции, Италии, бывших стран социалистического лагеря. Только за последние пять лет прошло несколько симпозиумов по лысенкоизму в Нью-Йорке (2009), Токио (2012), Вене (2012), опубликованы книги «Почему лысенкоизм возник?» Фудзики, «Политика холодной войны в генетических исследованиях: Введение в „дело Лысенко“» В. де Йонг-Ламберта [Фудзиока 2010; deJong-Lambert 2012] и десятки статей в историко-научных журналах и научно-популярных изданиях: «Историко-биологические исследования», «Journal of the History of Biology», «Centaurus», Acta Historica Leopoldina», «Science», «Nature» и мн. др.

К сожалению, все эти публикации даже не упомянуты в книге П.Ф. Кононкова. Приходится только удивляться, как опытный овощевод с такой лёгкостью пустился в историко-научное творчество. Уверен, что если историк поступил бы подобным образом по отношению к овощеводству, селекции или генетике, то его просто сочли бы сумасшедшим. Конечно, мнение специалиста имеет огромную ценность для проверки теорий прошлого с позиций сегодняшнего дня. Экспериментальную проверку идей и результатов их внедрения в практику Лысенко сделали его оппоненты в 1930–1950-х гг. и сочли их недостоверными. А ведь сре-

ди них были ведущие российские растениеводы П.Н. Константинов, П.И. Лисицын, проверявшие в течение пяти лет в разных частях СССР на десятках сортов пшеницы его предложения по яровизации как способу повышения урожайности [Константинов и др. 1936: 15–29]. Отрицательные результаты в те годы получили и другие отечественные (А.И. Лутков, М.И. Хаджинов) и зарубежные (G.D.H. Bell, H.H. McKinney, W.J. Sando) исследователи. Подвергались проверке и качество выведенных скоростными способами сортов пшеницы, теория стадийного развития, квадратно-гнездовые посадки и т. д.

Возможно, конечно, что современники ошибались, но это надо показать современными экспериментальными методами, а не перепечатками заголовков из газет прошедших времён и пристегиванием к ним некоторых современных терминов из эпигенетики, геномики и т. д.

В то же время книга Кононкова гораздо более продуманна и едина по своим идейным установкам, чем некоторые публикации последних лет, в том числе и вышедшие из стен Института генетики РАН и Института цитологии и генетики СО РАН. Во всяком случае, из текста, начиная с аннотации и до последней главы «Демократ означает предатель», читателю ясно, что хотели сказать автор и другие лица, причастные к её публикации. Это просто донос властям, оформленный в виде псевдоисторического сочинения. По-видимому, в её оркестровке, формулировании целей и выводов, в расположении материала немалая роль принадлежит составителю, Герману Владимировичу Смирнову, инженеру по образованию, ставшему журналистом и в течение многих лет проработавшему заместителем редактора журнала «Техника — молодёжи». Он — автор многих научно-популярных очерков, статей и книг, в том числе и книги «Как создавалось сионистское государство, или к истории „советской“ атомной бомбы», в которой даже уверял, что атомную бомбу Сталину подарили сионисты.

В большой вступительной статье Г.В. Смирнова «Конфликт в биологии» сформулированы главные обвинения в адрес генетиков, которым противопоставляются И.В. Мичурин, Т.Д. Лысенко и В.Р. Вильямс как подлинные патриоты России. Эта статья составляет примерно 15% всего текста книги. Там же сформулирован тезис, что генетика является орудием сионизма, что её представители работали и продолжают работать в интересах западных стран, извечно враждебных России, а потому вполне заслуженно были подвергнуты Сталиным репрессиям в 1930-х гг., а выживших отстранили от исследовательской работы и преподавания после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г.

При этом авторы всё переворачивают с ног на голову. Например, в тексте не раз упоминается Яков Аркадьевич Яковлев (Эпштейн) как один из главных «представителей партийно-политической верхушки конца 1920-х — середины 1930-х гг.» поддерживавших и продвигавших Н.И. Вавилова [Кононков 2014: 95, 99, 101, 102]. На самом же деле пика своей административной карьеры Вавилов добился до назначения Яковлева главой Наркомзема СССР, учреждённого в начале «культурной революции», доставившей Вавилову немало проблем [Колчинский 2012: 502–538]. До этого Яковлев был заместителем РККИ, которая не раз направляла проверочные комиссии в подведомственные Н.И. Вавилову учреждения, впрочем как и во все другие академические учреждения, выявляя всяческие «идеолого-политические упущения»¹. С назначением Яковлева в декабре 1929 г. главой тогда же учреждённого Наркомзема СССР накал критики в адрес Н.И. Вавилова резко усилился внутри и ВИРа, и ВАСХНИЛ, а также в партийной печати. В его травле участвовала и газета «Социалистическое земледелие», подведомственная Яковлеву. Именно Яковлев на Конференции по засухе в октябре 1931 г. потребовал от Вавилова покончить с «кустарничковыми» способами в семеноводческой работе и приступить к выведению новых сортов за 2–3 года. Как справедливо отмечает В.Н. Сойфер, именно здесь Лысенко получил основной аргумент для развёртывания борьбы с Вавиловым. Вскоре Вавилову закрыли возможность ездить в экспедиции. При Яковлеве, занявшем в 1934 г. пост заведующего Сельскохозяйственным отделом — ключевой в кадровых

¹ Эти документы содержатся в фонде 304. Центрального государственного архива историко-политических документов (ЦГАИПД). Часть из них ещё не введена в оборот.

назначениях, Вавилова убрали с поста президента ВАСХНИЛ. Против этого не возражал и другой «троцкист» М.А. Чернов, якобы также покровительствовавший Вавилову на посту наркома земледелия.

На самом же деле Яковлев, как никто другой, способствовал карьере Т.Д. Лысенко. Благодаря Яковлеву Лысенко завоевал доминирующее положение в Украинском генетико-селекционном институте, став научным руководителем, а затем и директором этого крупнейшего академического учреждения, созданного А.А. Сапегиним. Последний был арестован по приказу Яковлева, обвинившего его во вредительстве в связи с вымерзанием 5 млн га посевов озимой пшеницы Кооператорка и Земка, выведенной при участии Сапегина [Лыфенко 2014]. Обвинение не подтвердилось, но Сапегин в Одессу уже не вернулся, а Лысенко до конца жизни сохранил неприязнь к своему предшественнику [Лысенко 1937: 3], от которого он не раз получал нагоняй за фальсификацию данных. С первых хвалебных публикаций о Лысенко в партийной прессе в 1929 г. Яковлев уверовал в эффективность пропагандируемых им «достижений» и приказал Вавилову оказывать «всяческое содействие работам Лысенко» и «взять на себя заботу» о них [Вавилов 1987: 165]. Яковлев постоянно поддерживал выступления Лысенко на коллегиях Наркомзема в 1929 г. и 1931 г., обеспечил щедрое финансирование его работ и учреждённого им с И.И. Презентом журнала «Яровизация» и т. д.² 29 января 1934 г. в речи на XVI съезде ВКП(б) Яковлев при Сталине и других руководителях партии охарактеризовал Лысенко как лучшего деятеля сельскохозяйственной науки. Вместе с Лысенко Яковлева в 1935 г. избрали академиком, и во всех дискуссиях о генетике он выступал против Н.И. Вавилова. Если взять статью Я.А. Яковлева, увидевшую свет в дни дарвиновского юбилея в апреле 1937 г. [Яковлев 1937: 2–3], то становится очевидным, откуда нынешние критики Н.И. Вавилова и Н.К. Кольцова, черпают свои доводы и аргументы против Вавилова, повторяя по существу наветы «троцкиста» Я.А. Яковлева, да ещё 80-летней давности.

Ещё больше в их сочинениях можно найти заимствований у других бывших «троцкистов» — Исайи Израилевича Презента, бесспорного соавтора мичуринской биологии, и его жены Б.Г. Поташниковой, занявшей кафедру генетики растений ЛГУ после погубленного при её участии подлинного гения русской генетики и эволюционной теории Г.Д. Карпеченко. Что же касается Презента — правой руки Т.Д. Лысенко и его главного идеолога — то ещё при Сталине он был исключён из партии и уволен из ЛГУ и МГУ за двурушничество, антимарксизм, троцкизм, связи с Н.И. Бухариным, за космополитизм, за развал работы кафедры, за семейственность, сионизм и т. д.³ Далёко не арийского происхождения были и другие соратники и покровители Т.Д. Лысенко, включая одного из его главных покровителей Л.М. Кагановича. Именно при их помощи Лысенко создал целую мафиозную мичуринскую биологию, отвергнутую мировым научным сообществом.

Поэтому странно читать, что противники Лысенко, к которым причислен весь цвет советской науки, включая создателей атомного и термоядерного оружия, а также космических ракет, якобы организовали в 1950-х гг. в нашей науке мафиозные кланы, которые сплотили вокруг себя энергичную группу либеральной интеллигенции, призывающей к единству с мировой наукой, и добились партийно-политическими интригами того, что подавляющая часть советского общества, сочувствующая лысенкоизму, перестала понимать происходящее и позволила им взять верх.

Составитель, а вслед за ним и автор, не отрицают, что взгляды Лысенко могли укорениться в науке только благодаря репрессиям. Сами попытки прибегнуть к опыту мировой науки заведомо оцениваются ими как «национал-предательство» и как попытка скрыть свою

² Ссылки на соответствующие источники даны в статье в Википедии: *Лысенковщина*. — Доступно: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Лысенковщина>. — Проверено: 25 февраля 2015.

³ Центральный государственный архив историко-политических документов. Ф. 984. Д. 35, 36, 52, 53; Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Ф. 1113, Неразобранная часть архива К.М. Завадского. Дело об увольнении И.И. Презента. Анализ этих документов см.: Колчинский 2013: 108–122.

практическую никчёмность, шарлатанство за престижными зарубежными премиями, грантами, индексами и т. д.

Как ни странно, но в книге с названием, явно навеянным августовской сессией ВАСХ-НИЛ, «Два мира — две идеологии: О положении в биологических и сельскохозяйственных науках в России в советский и постсоветский период», пренебрежительно мало места уделено самой биологии. Отсутствует и оценка урона, нанесённого несколькими поколениями отечественных биологов, вынужденных уже в ходе исследований изживать нелепые представления о жизни, усвоенные в школе и на студенческой скамье. Почти две трети книги посвящены борьбе И.В. Сталина с Л.Д. Троцким, судебным процессам 1930-х гг., послевоенному походу Сталина против «дегенеративного искусства» (кстати, с дегенеративным искусством боролся А. Гитлер, а не И.В. Сталин) и его борьбе с космополитизмом и т. д. Целый раздел посвящён деятельности Джозефа Маккарти в США в начале 1950-х гг. Этот раздел назван «Демократ означает предатель», что, по сути дела является лейтмотивом всей книги: генетики — демократы, генетики — предатели страны, генетики хотят подчинить Россию мировой олигархии, генетики добиваются окончательного разделения мира на ценных людей и наследственных рабов, которых будут кормить «дешёвой фальсифицированной или трансгенной продукцией», и т. д.

На первый взгляд, всё это бред, но авторы умело бьют по болевым точкам нашего общества. В противовес генетикам — «национал-предателям и человеконенавистникам» — Лысенко представлен как подлинный гуманист и патриот и к тому же хранитель российской самобытности, ценностей православия, борец с псевдонаукой и научной мафией, блестящий практик, якобы обеспечивший продовольственную безопасность страны. Вот только непонятно, почему при таких-то успехах и прекрасных сортах зерновых СССР не смог решить проблему продовольственной безопасности и после страшного голода 1947 г. и засухи 1962 г. вынужден был перейти к массовой закупке зерна и продуктов животноводства в странах, опиравшихся в своих сельскохозяйственных технологиях именно на генетику. На её достижениях базируется и «зелёная революция». Тем не менее, в атмосфере нарастающей подозрительности к «враждебному Западу» неудивительно, что какая-то правительственная структура, далёкая от генетики, селекции и агрономии, могла профинансировать это издание, стремясь внести свой вклад в злободневную борьбу с «национал-предателями». Возможно, что её выпуск пролоббировал кто-то из олигархов, кому не удалось заполучить историческое здание на Исаакиевской площади, несмотря на решение председателя совета министров М.М. Касьянова, или кому не достались возделанные посевные площади ВИР в Павловске и в Пушкине.

Впрочем, какие претензии могут быть к научному содержанию книг, опубликованных в рамках Федеральной целевой программы «Культурная Россия (2012–2018 гг.)», если Российский научный фонд поддержал «проект, предлагавший пересмотр всей философии науки на основании идей русского космизма, то есть среди всего прочего, идеи воскрешения мёртвых. Или проект о „живом камне“, нацеленный на культурные и физические характеристики этого „камня“» [Фурсенко 2014]. На этот вопиющий факт, подрывавший смысл любых конкурсов в рамках этого фонда, явно по недоразумению названного научным, указал социолог А. Бикбов в интервью с помощником президента по науке А.А. Фурсенко. И судя по ответам Фурсенко, ему представляется это лишь одной из издержек любого конкурса. Но ведь именно по результатам конкурсов в этом фонде общественность судит, какой хочет власть видеть российскую науку и какие направления она определяет как приоритетные. И если подобный цинизм проявляется в проектах, антинаучность которых понятна любому грамотному человеку, то, что же происходит при экспертизе тех проектов, о значимости которых могут судить в лучшем случае лишь несколько специалистов во всём мире. С уровнем экспертов всё понятно. Но остаются вопросы, кто отбирал этих экспертов, каковы были критерии выбора экспертов и вообще, и вообще, что у нас за наука: если подобные проекты кто-то всерьёз подаёт; другие их якобы рецензируют, а экспертный совет даже поддерживает. Призванные же определять

приоритетные направления смотрящие за наукой воспринимают подобную фантазмагорию как нормальные издержки грантового финансирования. Неужели для этого реформировали РАН?

Последние три месяца, читая и слушая выступления и интервью некоторых инициаторов реформ российской науки, я всё чаще вспоминаю портных из сказки Андерсена, которые на этот раз демонстрируют некие изысканные одежды не для короля, а для науки и образования в России. И хотя со всех сторон им кричат, что король голый, они не обращают внимания. Когда приходит время предъявить хоть какие-то результаты задуманных преобразований, они говорят, что реформы будут идти десятилетиями, не меньше 15–20 лет. В этом отношении Лысенко выгодно отличался от них. Он хотя бы наглядно ветвистой пшеницей, вегетативными гибридами и фотографиями жирномолочных коров убеждал «доверчивую» власть. Что ж удивляться появлению таких книг, как «Две идеологии...» Кононкова.

Я не буду говорить об историко-научной её достоверности. Почти каждый приводимый факт уже не раз опровергался. Чего стоит, например, утверждение о борьбе Лысенко против Хрущева, хотя только благодаря Хрущеву ему удалось продержаться на плаву ещё 12 лет после смерти его главного покровителя И.В. Сталина. Никогда Лысенко не выступал против освоения целинных и залежных земель, а, напротив, и на этот счёт дал соответствующие рекомендации [Лысенко 1960].

Столь же ложны и обвинения в научной несостоятельности оппонентов Лысенко. Остановлюсь только на одном примере Н.К. Кольцова, которому посвящена глава «О т. н. „научной школе Кольцова“ и его учениках» [Кононков 2014: 120–128].

Для сведения заслуженного овощевода и его сторонников сообщаю, что Кольцов в 1904 г. описал наличие во всех клетках цитоскелета; за переоткрытие которого и открытие лизосом была присуждена К. Де Дюву Нобелевская премия в 1974 г. В 1920-е гг. Кольцов побуждал своих сотрудников В.В. Сахарова и И.А. Рапопорта к изучению роли рентгеновского облучения в индукции мутаций. Нобелевскую премию, в конечном счёте, получил в 1946 г. американский генетик Г.Дж. Мёллер за открытие радиационного мутагенеза. Другую премию за открытие химического мутагенеза Нобелевский комитет в 1958 г. намеревался присудить ученику Кольцова Рапопорту и англичанке Ш. Ауэрабах, но, помня скандал с присуждением премии Б. Пастернаку, предварительно запросил согласия СССР. Но в ЦК КПСС потребовали, чтобы Рапопорт, исключённый из партии за противостояние Лысенко, подал бы заявление на восстановление, от чего герой-фронтовик категорически отказался. В итоге открытие осталось без премии. В 1927 г. Кольцов предложил гипотезу о существовании гигантских наследственных молекул, идущих вдоль всех хромосом, нарисовал их двунитевую структуру и рассказал, как они должны воспроизводиться по принципу конвергентной редупликации наследственных молекул. Нобелевскую премию за открытие репликации и ДНК-полимераз получил А. Корнберг в 1958 г. Кольцов же предсказал, что гены — это участки гигантских наследственных молекул. За гипотезу двунитевой структуры наследственных молекул (ДНК) Нобелевскую премию получили Дж. Уотсон и Ф. Крик в 1954 г., окончательно покончив с лысенковскими представлениями о наследственности. Все эти сведения, хрестоматийные для отечественной истории биологии, автор мог бы почерпнуть в фундаментальных книгах В.Н. Сойфера [Сойфер 2002; Сойфер 2011; Сойфер 2012], которые служат одним из главных объектов нападок неолысенковистов и особенно Кононкова [Кононков 2014: 273]. Но ни Кононков, ни другие критики Сойфера не смогли предъявить конкретных претензий автору, признанному в мире крупнейшим экспертом в истории лысенкоизма.

Во всех этих случаях историки установили прямую причастность идей Кольцова к открытиям Нобелевского уровня. Что могут лысенковисты противопоставить этим общепризнанным достижениям школы Кольцова? Я намеренно оставляю в стороне генетику популяций, ставшую благодаря Ф.Г. Добржанскому и Н.В. Тимофееву-Ресовскому основой дарвинизма XX века или теорию мишеней Н.В. Тимофеева-Ресовского, его вклад в возникновение

биофизики, радиационной биологии и т. д. У Лысенко свои уникальные «достижения». Человек, на протяжении почти 30 лет олицетворявший сельскохозяйственную и биологическую науку в СССР, не оставил никакого следа в списке их достижений. Как справедливо недавно отметил В.Н. Сойфер, в мировой науке нет «теории стадийного развития», как и сверхскоростного выведения сортов за два-три года, летних посадок картофеля, «брака по любви», «квадратно-гнездовых посадок», выпуска на поля цыплят для склёвывания долгоносиков, перелопачивания весной по всей стране почвы колхозниками для «оживления микробов в ней» и т. д. и т. п. [Сойфер 2014: 5]. Сейчас очевидно, что несмотря на огромные средства, потраченные советской пропагандой для изображения Лысенко как лидера передовой советской науки, никого не удалось в них убедить. Это означает одно: лысенкоизм оказался откровенным очковтирательством. Попытки же приписать ему некие предвидения эпигеномной наследственности, мобильных диспергированных генов и т. п. сродни уверениям о том, что изобретателем рентгеновского аппарата был Иван Грозный, «видевший насквозь» своих бояр.

Книга не выдерживает критики, как и остальные труды подобного рода, получившие название «фолькиш история». Здесь нет каких-то новых архивных документов. Отсутствует анализ документов и трудов прошедших лет в социально-культурном и интеллектуальном контекстах прошлого. Всё подчинено заданной цели, для выполнения которой используются вырванные из контекста цитаты или весьма вольные трактовки не авторами найденных документов, предвзятые интерпретации работ некоторых историков науки, например, Д. Жоравского, Н.Л. Кременцова. Другие же используются в искажённом виде и без ссылок на первоисточник. Повторяются всё те же аргументы, многократно опровергнутые в уже упомянутых отзывах на труды подобного рода.

Понятно, что рациональнее всего не тратить время на чтение, а тем более опровержение подобных сочинений, на обложке которых я бы лично порекомендовал печатать: «До прочтения сжечь». Профессиональные генетики и историки науки справедливо считают, что не стоит анализировать нелепости этой книги, как и других сочинений убеждённых сторонников Лысенко и его неофитов. К тому же ведь провозглашена свобода слова и каждый волен говорить, что ему хочется.

Однако наука — это не Гайд-парк. Всякая публикация, претендующая на статус научной, должна проходить рецензирование специалистов, в том числе генетиков и историков науки, особенно если книга печатается на государственные средства. К тому же авторы подобных околонуточных сочинений, апеллируя к обычным людям и властям, а порой к самым святым чувствам, бесспорно, добиваются некоторого успеха. Иногда приходится слышать от вроде образованных и разумных людей, но далёких от биологии, полувопрос — полутверждение: «А Лысенко, оказывается, был прав?». Пока их, конечно, единицы. Но будет беда, если подобные сомнения станут широко распространённым мнением полуобразованных людей, которых немало в нашем обществе, лечащихся по телевизору у Кашпиrowsкого, заряжающихся энергией у Чумака и участвующих в пирамидах Мавроди. Это особенно опасно в наши дни, когда во главе нашей науки появляется всё больше тех, которых академик Владимир Захаров в «Троицком варианте» удачно назвал «слугами хаоса» [Захаров 2014: 1]. Это «некомпетентные руководители науки, управляющие финансовыми потоками и принимающие решения, непонятно чем мотивированные. Наиболее опасны среди них люди, имеющие некоторый профессиональный научный уровень, но остро страдающие от недостатка признания, от комплекса неполноценности, компенсируемой сверхценными идеями, которые распространяются с неподдельным красноречием» [там же]. А в красноречии лицам, причастным к написанию книги Кононкова, отказать нельзя.

Мне пришлось много работать в архивах, изучая причины зарождения лысенковщины. Более того, некоторые из моих учителей первоначально были прямо или косвенно связаны с народным академиком, видя в нем подлинного преобразователя биологии. Судя по некоторым воспоминаниям, личностью Лысенко был харизматической и умел на первых порах распо-

жить к себе даже знающих людей. Из общения с участниками тех событий, а также из изучения первоисточников и разыгравшихся событий в конкретных социально-политическом, идеологическом, интеллектуальном и культурном контекстах СССР 1939–1960-х гг. я понял, сколь роковой была пассивность научного сообщества. На первом этапе становления лысенкоизма многие генетики поддержали идеи Лысенко, зачастую из-за нежелания ссориться с властью. Потом вплоть до 1945 г. генетики практически одни боролись с этим явлением, хотя и при сочувствии большинства биологов других специальностей, которые, напуганные репрессиями, предпочитали молчать. В итоге власть, которая изначально поддерживала и продвигала Т.Д. Лысенко, восприняла это молчание как знак согласия. Поэтому молчание генетиков мне кажется странным. Это только считается, что история повторяется как фарс. Иногда она повторяется ещё большей трагедией.

Однажды руководство нашей страны сделало выбор в пользу псевдонауки в биологии. Вряд ли кто-то хочет, чтобы это повторилось. Генетикам нынешнего поколения, слышавшим что-то о лысенкоизме, но не имевшим общения хотя бы со свидетелями его расцвета, надеюсь, не придётся столкнуться снова с репрессиями. А вот итак скудные потоки финансирования науки могут быть направлены в пользу тех, кто позиционирует себя как патриот и борец с «национал-предателями». Тем более что проблема продовольственной безопасности и внедрения достижений генетики, в том числе и ГМО, в практику не менее актуальна и в наши дни. Как бы у власти не появился соблазн вновь преодолеть все трудности «простыми» и «быстрыми» методами.

Как это ни банально звучит, заканчиваю перефразированной классикой: «Генетики, будьте бдительны. Если вы не хотите слышать, что звонит колокол, то это ещё не значит, что он звонит не по вам»⁴.

Бобылев Ю. 2006. *Генетическая бомба. Тайные сценарии биотерроризма*. — М.: Белые альфы.

Вавилов Н.И. 1987. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия 1929–1940 гг. — *Научное наследство*. — Т. 10. — М.: Наука.

Губарев В. 2009. Дьявол из прошлого. Кому понадобилось вытаскивать на авансцену академика Лысенко. — *Деловой вторник*. — № 13. — 14 апреля.

Два отклика... 2009. Два отклика на выступление профессора Анохина. — *Литературная газета*. — № 23 (6227). — 3 июля. — Доступно: <http://old.lgz.ru/article/9078>. — Проверено: 23 февраля 2015.

Животовский Л.Д. 2014. *Неизвестный Т.Д. Лысенко*. — М.: Т-во научных изданий КМК.

Захаров В. 2014. Новый абзац. — *Троцкий вариант*. — № 25 (169). — 23 декабря.

Захаров-Гезехус 2011. Попытки реабилитации лысенковщины. — *Историко-биологические исследования*. — Т. 3. — № 2.

Колчинский Э.И. 2012. Культурная революция в СССР (1929–1932) и первые атаки на школу Н.И. Вавилова. — *Вавиловский журнал генетики и селекции*. — Т. 16. — № 3.

Колчинский Э.И. 2013. *Кирилл Михайлович Завадский*. — СПб.: Нестор-История.

Колчинский Э.И. 2014. *Профессор Э.И. Колчинский о книге «Неизвестный Лысенко» (выдержки из переписки с коллегами)*. — Доступно: <http://klnran.ru/2014/11/kolchinsky-o-knige-neizvestny-lysenk>. — Проверено: 23 февраля 2015 г.

⁴ Отзыв обсуждён на совместном заседании сектора истории эволюционного учения и экологии Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и секции истории биологии Санкт-Петербургского отделения Национального комитета истории науки и техники.

Кононков П.Ф. 2014. *Два мира — две идеологии: О положении в биологических и сельскохозяйственных науках в России в советский и постсоветский период.* — М.: ООО «Луч».

Константинов П.Н., Лисицын П.И., Костов Д. 1936. Несколько слов о работе одесского Института селекции и генетики. — *Яровизация.* — № 5 (8).

Корочкин Л.И. 2008. Неолысенковщина в российской биологии. — *Бюллетень в защиту науки.* — № 3.

Лысенко Т.Д. 1937. Мой путь в науку. — *Правда.* — № 271 (7237).

Лысенко Т.Д. 1952. Речь академика Т.Д. Лысенко. — *Известия Академии наук СССР. Сер. биол.* — № 3.

Лысенко Т.Д. 1960. *Некоторые важнейшие вопросы земледелия целинных земель.* — Новосибирск: Книжное издательство.

Лыфенко С.Ф. 2014. *Селекционно-генетический институт.* — Доступно: <http://agroportal.su/pshenica/1855-selekcionno-geneticheskiy-institut-nacionalnyu-centr-semenovedeniya-i-sortoizucheniya-g-odessa.htm>. — Проверено: 25 февраля 2015 г.

Муромец В. 2014. Своевременная неправильная книга. — *Троицкий вариант.* — № 24 (168). — 2 декабря.

Смирнов К. 2009. Лысенко в овечьей шкуре. — *Новая газета.* — № 33. — 1 апреля.

Сойфер В.Н. 2002. *Власть и наука.* — Изд. 4-е, перераб. и доп. — М.: ЧеРо.

Сойфер В.Н. 2011. *Очень личная книга.* — Новосибирск: Инфолио.

Сойфер В.Н. 2012. *Сталин и мошенники в науке.* — М.: Добросвет, КДУ.

Сойфер В.Н. 2014. Письмо в редакции. — *Троицкий вариант.* — № 25 (169). — 23 декабря.

Фудзиока Цуеши. 2010. *Зачем лысенковщина появилась? Плод и срыв диалектизации биологии.* — Токио: Gakujutsushuppankai. — (на япон. яз.).

Фурсенко А. 2014. О перспективах российской науки: взгляд со старой площади. — *Известия.* — 25 декабря. — Доступно: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=00b834fb-c1fa-4d45-acd0-70e5aa5725ec>. — Проверено: 5 марта 2015 г.

Яковлев Я.А. 1937. О дарвинизме и некоторых антидарвинистах. — *Правда.* — № 101 (7067). — 12 апреля.

deJong-Lambert W. 2012. *The Cold War Politics of Genetic Research: An Introduction to the Lysenko Affair.* — New York: Springer.